

Интервью с Сергеем Ушакиным

«ТОГДА БЫЛИ КАКОЙ-ТО ДРАЙВ И СООБЩЕСТВО»: О СТАНОВЛЕНИИ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОСЛЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Интервьюерка – Евгения Иванова

Сергей Ушакин – доктор философии (Columbia University, отделение антропологии, 2005); кандидат политических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, 1995). Профессор кафедры антропологии и кафедры славянских литератур и языков, директор Программы российских, восточноевропейских и евразийских исследований Принстонского университета (Princeton University), США.

Е.И.: Сергей, как Вы пришли в гендерные исследования?

С.У.: Случайно. Меня интересовали вопросы идентичности и идентификации. Это был 1996 год. Я приехал в Канаду, где начал учиться философии образования, и ходил на семинары по психоанализу. А от них было недалеко и до исследований пола и сексуальности. На этом фоне мне попались какие-то статьи на русском про то, что авторы называли «гендерные исследования». Статьи меня удивили и обескуражили одновременно. В них в дополнение к «полу», «роду», «сексуальности» появлялся удивительный и непонятный «гендер»! Мне казалось тогда, что в русском варианте эти «гендерные исследования» – совсем про другое. Эти статьи не совпадали с теми, чему меня учили, хотя назывались так же. (Поэтому я обычно «гендерные исследования» по-русски беру в кавычки – чтобы не путать с оригиналом.) И мне очень хотелось объяснить городу и миру, про что эти исследования «на самом деле». Тогда-то я и написал свою первую статью «Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме» и послал ее обычной почтой

в российский журнал «Человек» (электронной-то почты еще почти не было!), где она и вышла в 1997 г.

В Канаде я не задержался и поступил в 1997 г. на магистерскую программу «Gender and Culture» в Центрально-Европейском университете в Будапеште, где было еще больше психоанализа, деконструкции и разнообразного феминизма. Тогда я начал ездить на летние школы по «гендерным исследованиям» в России. Их организовывала Зоя Хоткина из Московского центра гендерных исследований. Ей тогда удивительным образом удалось собрать вместе почти всех тех, кто потом, собственно, и создал то, что стало называться «гендерными исследованиями» на русском языке.

– С какими темами Вы «пришли» в гендерные исследования и какое направление было у Ваших академических интересов тогда?

– Направленность моих интересов, в общем, не очень поменялась. Мне и тогда и сейчас были интересны процессы идентификации, с помощью которых люди вписывают себя в имеющиеся символические структуры – будь то нация, пол, возраст, профессия или что-то еще. В 1990-х это было интереснее всего наблюдать в области потребления. Переход от всеобщего дефицита к товарному изобилию породил целую серию специфических практик. Все «учились» потреблению на собственном опыте, и это было интересно исследовать.

Собственно, так и появились сборники статей, которые я редактировал, – сначала «О муже(N)ственности», а потом – «Семейные узы: модели для сборки», в них я пытался собрать свидетельства того, как формируются какие-то базовые представления о том, что значит «быть мужчиной», «иметь семью» и т.п.

Чуть позже мои интересы сместились в сторону разнообразных сообществ, возникших вокруг последствий травматического опыта. Вопросы, связанные с полом, там тоже были (например, в моих исследованиях солдатских матерей и ветеранов войны в Чечне), но в какой-то момент мне стало очевидно, что эта «половая» составляющая – не самая главная. Более того, мне стало казаться, что «гендерные исследования» – как набор методов и интерпретационных рамок – как-то исчерпали себя. Точнее, я перестал там находить ответы на вопросы, которые у меня возникали. И я ушел в другую сторону.

– Любопытно, в какую? И означает ли это, что Вы «ушли от» или «вышли из» ГИ?

– Я стал больше заниматься прошлым – позднесоветским и раннесоветским. И потом фокус сместился на национальную идентификацию (хотя понятно, что любая национальная идентификация тесно связана с опытом телесным, половым и т.п.). Вся та оптика, что накопилась за время моего интереса собственно к гендерным исследованиям, осталась. Остался и интерес к феминизму.

Изменился мой дисциплинарный контекст: в рамках антропологии половые идентичности и вопросы родства – темы основополагающие, и выделять их в отдельные «исследования» нужды нет. Я, скорее, ушел не из темы, а из региональных «гендерных исследований». Но продолжаю смотреть в их сторону с интересом: а вдруг они скажут что-то интересное? Может, еще вернуться, чтобы чему-нибудь поучиться.

– Я бы хотела поговорить о периоде начала институционализации ГИ в Восточной Европе. Каким Вы его помните и как Вы оцениваете Ваше участие в этом процессе?

– Я помню его бурным. Летние школы, семинары, дебаты. Тогда были какой-то драйв и сообщество. Я тогда общался с двумя центрами – в Москве и Минске (чуть позже появилась группы исследователь_ниц в Екатеринбурге, Петербурге и Самаре). Были разнообразные публикации – журналы, альманахи, антологии... И тогда казалось, что действительно очень важно разобраться: как работает «сексуальность», в чем смысл «феминизма», что делать с (и даже как переводить) «sexual harassment» (мне, кстати, казалось, что слово «харассить» было неплохим – в нем был какой-то «хоррор», которого в русском «домогательстве» нет).

То есть это был такой напряженный эпистемологический квест, как сейчас сказали бы. Я помню свои семинары в Европейском гуманитарном университете в Минске, где я со студент_ками за две недели прочитывал бестселлеры того времени – Батлер, Кристева, МакКиннон, вот это вот все... Интенсивность погружения была невероятной. Ну, или казалась такой.

Мне тогда было интересно полемизировать, я пытался – как я сейчас понимаю – спровоцировать какие-то дебаты по поводу той теоретической модели, которую «гендерные исследования» в регионе пытались выстроить. Я был тогда уверен, что простое заимствование терминов, концептов и форм анализа не способно произвести тот же социальный эффект, который возник в конце 1980-х в США в процессе постепенной институционализации gender studies. Я был активно против того, чтобы диалог с западной теорией сводился к элементарной практике перевода «gender» на русский язык. Я тогда даже написал статью полемическую «Gender напрокат», где сравнивал «гендер» с «ваучером» – непонятным «феноменом», который куда-то можно, однако, вложить и получить выгоду. Ну, или не получить... Но диалога не вышло. Спорить как-то никто не захотел. Кто-то обиделся...

Но мне кажется, я был-таки прав тогда: «гендерные исследования» во многом сложились как переводной проект. Как реферативное знание. Не то чтобы это плохо – лучше так, чем никак. Но очевидно же, что «в народ» это знание идет с трудом. Воспринимается как не свое – спустя 20 лет! Хотя, казалось бы, это должно касаться всех.

Так что – вот этих упущенных возможностей мне жалко... Представьте, где бы мы были сейчас, если бы вместо «гендерных» центров у нас возникли в 1990-х центры по исследованию пола и сексуальности, центры феминистской политики и т.п.?

– Как Вам кажется, какую роль западные фонды и/или западные университеты сыграли в формировании повестки ГИ в «регионе»?

– Мне кажется, что без них, как когда-то пел Марк Бернес, «тут ничего бы не стояло». Я не знаю ни одного регионального центра или программы ГИ в регионе, который возник сам, снизу, на основе местных ресурсов и без западных грантов.

И потом – мы же видели: как только западные фонды ушли, исчезли и центры, и журналы, и летние школы. Вот, например, пока журнал «Гендерные исследования» в Харькове поддерживал фонд Макартуров, он был главной печатной площадкой для трансфера западного знания и для консолидации местных исследователей. Не стало фонда – и журнал замолчал на семь лет. Я рад, что в этом году он снова вернулся к жизни. Не знаю, правда, насколько он экономически теперь самостоятелен.

Но дело, понятно, не в конкретном журнале. Дело в общей ситуации – в силу различных причин знание, которое генерируют «гендерные исследования», так сказать, не конвертируется в местную валюту. Нет для него массового потребителя, готового поддержать эти издания своим рублем и временем. Что удивительно, в общем-то... Ольга Штырова из Иванова, по-моему, единственная, которой удалось сохранить независимую летнюю школу по женской истории и феминизму, которую она проводит вот уже много лет. Хотя я мало знаю о том, что происходит в этом поле сейчас.

– А как вы оцениваете успешность развития гендерных исследований в регионе сейчас? Какие идеи выжили, а какие не нашли своего продолжения?

– Я не очень хорошо знаю подробности современной ситуации. То, что я вижу, свидетельствует о некоей позитивитизации «гендерных исследований», об определенном превращении их в форму прикладного знания – связанного с вопросами, скажем, рождаемости, половой дискриминации, сексуального насилия и т.п. Это важные сферы и нужные области, но для меня, повторюсь, «гендерные исследования» были важны своей способностью поставить радикально под сомнение сложившиеся матрицы знания и способы его производства. Вот такой радикальной гносеологической интервенции я не вижу. Вижу «нормальные» прикладные исследования.

– Как Вам кажется, можно ли говорить о кризисе гендерного знания в академии в «нашем» регионе и с чем он связан?

– Я не знаю, кризис ли это. Скорее – отражение общего состояния социального знания. Но тут есть и своя особенность. Постструктуралистская критика, на которой строились западные *gender studies*, во многом так и осталась, на мой взгляд, непроговоренной. Постструктурализм в нашем регионе свелся в основном к постмодернизму, к идее о том, что нет больших нарративов и что все есть симулякр и видимость кажимости. Критики языка и репрезентации, попытки мыслить социальную жизнь вне фундаментализирующих категорий «пола», «нации», «класса» как-то особо не оформились. А на фоне нынешнего массового поворота к национализму как единственно доступной идентификационной основе весь этот деконструирующий запал *gender studies* оказался явно не к месту. Так что – да, кризис. Но не совсем региональный.

Еще одна причина кризиса в том (и это уже региональная специфика), что советский опыт так и не стал основой формирования собственного концептуального аппарата. «Своих» тем, по большому счету, так и не возникло. А могли бы. Мы тут стали с коллегами в Принстоне разбираться с раннесоветской детской литературой. Там же очень любопытные вещи: зачастую невозможно понять, кто на иллюстрациях – мальчик или девочка. Это можно прочитывать как еще один пример репрессивной сексуальности, а можно в этом видеть основы практик транссексуальности, т.е. формирования такого (визуального) режима, в котором пол действительно оказывается неважным с точки зрения социального действия.

Или еще один пример, который ждет своей концептуализации. Практически полная занятость женщин в сфере труда обычно трактуется в рамках заимствованной концепции *double shift/burden* – двойная нагрузка, двойное бремя – на работе и дома. При этом долговременные последствия этой занятости для формирования представлений нескольких поколений женщин о том, что значит быть профессионалом, каковы варианты женской субъектности и т.п., ушли полностью в тень. А могли бы стать исторической основой для понимания специфики позднесоветской и постсоветской идентичности.

Может, это осмысление еще произойдет. Я вижу, например, как в Польше новое поколение исследователь_ниц возвращается к анализу отношений между полами в период социализма не только для того, чтобы еще раз отметить подавленность мужчин и угнетенность женщин. Они выходят за эпистемологические рамки «холодной войны» и видят в социалистическом опыте репертуар практик субъектности и форм жизнедеятельности, которые предлагают альтернативу монополии нелиберального взгляда. В России я пока такого не вижу.

– На Ваш взгляд, повлияло ли развитие гендерной теории на изменение академических структур и на представления об академическом знании в «регионе»?

– Повлияло. Стали появляться новые способы дискуссий, новые модели проговаривания старых проблем. Стали складываться какие-то более подвижные формы академического общения. И сложилось целое поколение новых исследовател_ниц, внимательное к собственному голосу, к собственной позиции, т.е. люди с той самой саморефлексией, к которой нас призывал феминизм 1990-х. Этого нельзя не видеть.

– Когда начиналась институционализация ГИ в регионе, людей, которые за этим стояли, было не так много. Поддерживали ли вы контакты друг с другом? Удалось ли Вам сохранить созданные на этапе институционализации ГИ связи и отношения?

– Да, конечно, поддерживали. Да и сейчас поддерживаю. Тут еще сказывается и особенность моих собственных исследовательских проектов. Я делаю много коллективных сборников, а их невозможно сделать без коллег, за работой которых нужно следить, чтобы быть в курсе. Среди людей, с которыми я и сейчас работаю, немало тех, с кем я познакомился в 1990-е – на всех этих «гендерных» тусовках, семинарах и конференциях. Более того, мои нынешние проекты, связанные с полевыми исследованиями в Минске и Бишкеке, выросли из моих «гендерных» контактов. В обеих столицах я оказался сначала на семинарах по феминизму и «гендерным исследованиям» благодаря Елене Гаповой (в Минске) и Нине Багдасаровой (в Бишкеке). Без наших тогдашних бесед о постсоветском «гендере» не было бы и моего нынешнего проекта о постколониях коммунизма.

– Можно ли говорить о формировании нескольких поколений в ГИ на протяжении последних 20–25 лет? Как Вы оцениваете свою роль в формировании новых поколений гендерных исследовател_ниц?

– Да, можно. Я вижу новое поколение исследователей. Кого-то я даже когда-то учил. То есть – процесс идет. Но о своей роли мне сложно судить. Честно. Я не очень включен в «гендерные исследования» в регионе последние лет 10–15. И обратной связи не чувствую совсем. На мои сборники почти не было рецензий, и мне всегда казалось, что они просто ухнули в бездну. Книжка моих статей «Поле пола» (за которую отдельное спасибо ЕГУ и Лене Гаповой!) тоже как-то прошла незаметно. То есть я, похоже, очень удачно не попадаю в контекст того, что происходит. Так что я не думаю, что как-то особенно повлиял на формирование новых поколений. Так, стоял в сторонке и подавал реплики, когда были.

– Возможно, Вы не чувствуете, что попадаете в контекст происходящего, потому что как раз формируете новые контексты.

От себя (на правах учившейся у Вас и по Вашим текстам) хотела бы сказать, что, на мой взгляд, Вы чрезвычайно сильно повлияли на наше поколение, на нашу «школу» ГИ. Для многих из нас Вы стояли в одном ряду с

Батлер, не меньше. Это во многом из-за того, как к Вам и производимому Вами знанию относилась Елена Ильинична Гапова, но не только. Ваши курсы, Ваши статьи и книги, Ваши интервью и Ваша рассылка на многих из нас повлияла формирующим образом.

– Спасибо! Не ожидал.

Июнь – ноябрь 2017 г.,
Вильнюс – Минск – Принстон